

Сколь многое начинается с Учителя... В немногочисленный отряд этих подвижников, несомненно, вписан Юрий Васильевич Павлов, воспитатель добрых двух третей ульяновских художников. Сколько его учеников живёт по другим городам и весям! А есть и сгоревшие в начале полёта.

Педагогическое поприще Юрия Павлова началось со школы № 17 на улице Ленина. Молчаливого «очкарика» Гену острый глаз юного педагога сразу выделил из подозрительной ватаги, собиравшейся в подвале жилого дома напротив. Именно в этом здании через много лет осядет детская художественная школа с бессменным директором Павловым; а в начале 1950-х Гена Ахматов станет одним из его первых изостудийцев.

«Тогда до азарта мы молоды были...»

Геннадий Ахматов. 1940–1965

С Геней мы подружились в изостудии Дворца пионеров – гораздо раньше того, как наши восьмые классы «Г» и «Д» стали соседствовать в школе № 3, и на переменах встречались уже как «коллеги». В рисовании оба увлекались литературными и историческими сюжетами. И каждый раз я поражался его зрительной памяти: рыцарь ли, крестоносец, новгородский ли смерд, немецкий ли офицер – любой персонаж изображался им со всей присущей атрибутикой одежды и образа. Да и сюжеты у него были «взрослее»: возвышающийся над толпой Мефистофель в бурно развевающемся плаще, Годунов, отшатнувшийся от призрака младенца Дмитрия...

Я часто бывал у него в гостях, в маленькой квартирке на первом этаже двухэтажного домика на углу улиц Бебеля и Матросова. Семья (у Гены были ещё брат и сестра) жила дружно и, как мне казалось, даже весело. Гена унаследовал отцовский незлобивый юмор. Со школьных лет помню его пародию на лермонтовского «Демона»: «Печальный Демон, дух изгнания, / На профсоюзном был собраньи. / Его честили там за то, / Что он не надевал пальто. / Прикрывши крылышком свой срам, / Он на трибуну вышел сам».

Будучи ровесником, Гена казался старше. Его кумиром в живописи был малопонятный для нас Поль Гоген. А сколько он уже успел прочитать! Героев Купера и Джека Лондона сме-

няли неунывающий Остап Бендер с Кисой Воробьяниновым, и во время перемены на классной доске возникали перипетии этого весёлого романа: отец Фёдор, вызывающий со скалы, грессмейстер, позорно бегущий из Васюков. Меня доньне удивляет его умение несколькими безошибочными линиями передать слегка шаржированное, а потому и более острое сходство. Как-то ждали мы в фойе кинотеатра «Пионер» начала киносеанса, и Гена, достав тетрадку, молниеносно изобразил Льва Толстого, засунувшего за пояс огромные кисти рук, и Лермонтова в бурке, с огромными печальными глазами. Я не раз потом пытался нарисовать то же самое, но ТАК, как у Гены, не получилось ни разу.

Летом 1957 года мы с ним поехали поступать в Московский архитектурный институт. Москва ещё бурлила от только что прошедшего Первого международного фестиваля молодёжи, на улицах попадались иностранцы, шли бойкие обмены значками. Вернувшись с одной из прогулок, Гена одной линией, не отрывая карандаша, нарисовал портрет чеха, с которым мы только что пообщались, – сходство было потрясающее.

Мне повезло: я поступил. А Гена вместе с Юрой Муравьёвым из Оренбурга начал работать в Обнинском институте ядерных исследований. Каждую субботу они приезжали к нам в общежитие, и комната расцветала их сдвоенным юмором. Работали они

лаборантами, но, тем не менее, успели хватануть радиации – оба умерли молодыми, с интервалом в один год.

Уже больной, Гена вернулся домой и работал художником в газете «Ульяновский комсомолец». Мы часто виделись – я уже окончил институт. Он ходил с палочкой (саркома съела ногу), но темы болезни избегал. Когда у меня родилась дочка, пришёл в гости: «Покажите-ка вашего немышонка, не лягушку, а неведому зверюшку». Жить ему оставалось чуть больше полугода. Потом он только лежал – исхудавший, красивый... Как мужественно он выносил адские боли! И думалось о великой несправедливости судьбы к этому талантливому двадцатипяти-летнему человеку.

В книге Владимира Пыркова «Колокола под снегом» предполагался рассказ-зарисовка об их с Геней походе на только что замёрзшие Сурские озёра. Было ещё темно, до зари. Вдруг из камышей выбежала огненная лисица. Гена вскинул ружьё... и опустил его. Пырков писал: «Тогда до азарта мы молоды были. / Жестокость? бездушие? Всё ни при чём. / Мы молоды были, мы просто забыли, / Мы просто забыли, что он обречён».

Я берегу с десяток Гениных рисунков, и каждый раз, доставая их, поражаюсь его талантливости.

Лев Невцетаев,

член Союза художников России
и Союза архитекторов России